

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ НАЦИОНАЛИЗМА: СТРУКТУРА, СОДЕРЖАНИЕ, КРИТИКА

К. Г. Мальцев¹, А. Л. Алавердян²

Белгородский государственный технологический университет им. В. Г. Шухова, Белгород, Россия

¹ e-mail: maltsevaannav@mail.ru

² e-mail: arti-medwd@mail.ru

Аннотация. Национализм определяет современность, – тезис Л. Гринфельд в самом начале 90-х годов XX века (повторивший суждение Э. Кедури начала 60-х годов) неожиданно для либерального обществознания сразу приобрел политическую актуальность. Целью статьи является выявление причин указанной «неожиданности»: представление нации в экономической парадигме политического (термин Д. Агамбена) как гражданской ассоциации свободно самоопределяющихся автономных индивидов-граждан исключает возможность национальных конфликтов, действительность которых очевидна. Объективное научное исследование в рамках дисциплинарной структуры современной науки имеет как налично данный объект исследования в представлении: таким образом, необходимым становится философское истолкование как метод критики представления нации и национальной парадигме. Установлено: представление нации нормативно и ценностно обусловлено основоположениями «либеральной метафизики»; необходимо различие «гражданского» и «этнического» национализмов, не имеющее «эмпирических оснований» (Р. Брубейкер); отнесение к ценности как способ конструирования идеально-типического понятия национализма предполагает необходимость оценки, обусловленной способом представления национализма; моральная и политическая дисквалификация «этнического национализма» как недействительного «остатка» (В. Парето) «встроено», таким образом, в научное исследование, которое одновременно является идеологическим инструментом и политической программой. Философское истолкование смысла представления национализма в либеральном обществознании, внешнее в отношении господствующей парадигмы политического, обеспечивает научную новизну и приводит к выводу: «гражданская нация» действительна как политический проект, предполагающий «историографический перерасчет прошлого» (М. Хайдеггер), ретроспективно помещающий начало национализма в прошлое. В процессе изложения выясняется практическое значение вывода: теория «гражданской нации» предполагает проведение границы между «цивилизированным» и – «культурным» и «природным» национализмами как политическими врагами, которые должны быть сняты: проведение границы между «гражданскими» и «этническими» национализмами имеет одновременно научное и политическое значение; указанные обстоятельства способствуют пониманию смысла и приписываемой цели процессу национально-этнической идентичности и практики национальной политики.

Ключевые слова: национализм, национальная идентичность, гражданская нация, этнический национализм, идеология, философское истолкование, экономическая парадигма политического.

Для цитирования: Мальцев К. Г., Алавердян А. Л. Представление национализма: структура, содержание, критика // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2021. – № 3. – С. 100–110. DOI: 10.25198/2077-7175-2021-3-100.

REPRESENTATION OF NATIONALISM: STRUCTURE, CONTENT, CRITICISM

K. G. Maltsev¹, A. L. Alaverdyan²

Belgorod State Technological University named after V. G. Shukhova, Belgorod, Russia

¹ e-mail: maltsevaannav@mail.ru

² e-mail: arti-medwd@mail.ru

Abstract. Nationalism determines modernity – L. Grinfeld's thesis at the very beginning of the 90s of the twentieth century (repeating the judgment of E. Keduri in the early 60s), unexpectedly for liberal social science, immediately acquired political relevance. The purpose of the article is to identify the reasons for this «surprise»: the representation of the nation in the economic paradigm of the political (D. Agamben's term) as a civic association of freely self-determining autonomous individuals-citizens excludes the possibility of national conflicts, the reality of which is obvious. Objective scientific research within the disciplinary structure of modern science has as a given object of research in the representation: thus, a philosophical interpretation becomes necessary as

a method of criticizing the representation of the nation and the national in the economic paradigm. It has been established that the representation of a nation is normatively and value-wise conditioned by the foundations of «liberal metaphysics»; it is necessary to distinguish between «civil» and «ethnic» nationalisms, which does not have «empirical foundations» (R. Brubaker); attribution to value as a way of constructing an ideal-typical concept of nationalism presupposes the need for an assessment conditioned by the way nationalism is presented; the moral and political disqualification of «ethnic nationalism» as an invalid «remnant» (V. Pareto) is thus «built in» into scientific research, which is at the same time an ideological instrument and a political program. The philosophical interpretation of the meaning of the representation of nationalism in liberal social science, external in relation to the dominant paradigm of the political, provides scientific novelty and leads to the conclusion: a «civil nation» is valid as a political project that presupposes a «historiographic recalculation of the past» (M. Heidegger), retrospectively placing the beginning of nationalism in past. In the course of the presentation, the practical significance of the conclusion is clarified: the theory of the «civilized nation» presupposes drawing a border between «civilized» and – «cultural» and «natural» nationalisms as political enemies that must be removed: drawing the line between «civil» and «ethnic» nationalisms has both scientific and political significance; These circumstances contribute to the understanding of the meaning and the assigned goal of the nation-building process and the practice of national politics.

Key words: nationalism, national identity, civil nation, ethnic nationalism, ideology, philosophical interpretation, economic paradigm of the political.

Cite as: Maltsev, K. G., Alaverdyan, A. L. (2021) [Representation of nationalism: structure, content, criticism]. *Intellekt. Innovatsii. Investitsii* [Intellect. Innovations. Investments]. Vol. 3, pp. 100–110. DOI: 10.25198/2077-7175-2021-3-100.

Введение; постановка проблемы, задача и метод

Идея национализма есть «образующий элемент современности» [10, с. 22], национализм «определяет современность, а не определяется ею» [10, с. 22]; национализм есть «мощная», ставшая «превалирующей» в Европе, а потом и во всем мире идеология [14, с. 16]; современность есть «эпоха национализма» [9, с. 126]; «триумф национализма в современном мире» [29, с. 18]; «национализм – явление, сопровождающее модернизацию, которое переживает каждое общество на пути к современности» [4, с. 15] и «этнонационализм», например, под названием «этноплюрализм» есть существенный элемент современных «правых идеологий», и он «приобретает все возрастающее влияние в обществе» [4, с. 16], становясь угрозой либеральному политическому порядку не только в «периферийной новой», но и для «старой» Европы, – приведенные высказывания лишь нескольких (список можно продолжить) различных авторов (философов, социологов, политических теоретиков), относящиеся к временному периоду в семьдесят лет и либеральной традиции западной мысли, *демонстрирует*: национализм продолжает оставаться научной *проблемой*, а в последние годы еще и воспринимается как *вызов* – для либеральной мысли и либеральной политики. Два обстоятельства являются *существенными*: национализм *представляется* в *одном горизонте*, – но служит названием *различным феноменам*, которые тематизируются в предмет исследования *разными* научными дисциплинами (в соответствии со сложившейся дисциплинарной структурой науки), и философия, как правило, является лишь одной из таких «дисциплин», которой

фактически отказано в ее, по К. Ясперсу [30], одной из основных функций: «объемлющей функции», – *дисциплинарные дискурсы национализма*, даже *пересекаясь*, не ведут к его *понятию*. *Задача и метод* настоящей статьи – *провести границы* и, таким образом, *определить области значения* научных (дисциплинарных) тематизаций «национализма», и *продемонстрировать*, почему в горизонте «либеральной метафизики» (К. Шмитт [26]) и либеральной версии экономической парадигмы политического (Дж. Агамбен [1]) – *не будет* производиться *понятийный синтез* как одновременно *невозможный* и «*нежелательный*»; такое решение поставленной задачи предполагает *философское истолкование*.

Тематизации национализма; определение «областей значения» и их содержание

Л. Гринфельд перечисляет, в каких значениях обычно используется слово «национализм»: во-первых, как термин, охватывающий «относящиеся к нему понятия национальной идентичности (или национальности) и национального сознания»; во-вторых, с этим термином «ассоциируются общности, основанные на этих понятиях – то есть нации»; в-третьих, «национализмом называют четко сформулированную идеологию, на которой покоятся национальная идентичность и национальное сознание»; в-четвертых, политическую идеологию «активной ксенофобной формы национального патриотизма» [10, с. 8]. Но в любом случае, национализм есть прежде всего *идеология*, даже тогда, когда речь идет о «национальной идентичности»: в этом согласны большинство исследователей, – «идеология мобилизации» [19, с. 130]; «националисти-

ческая идеология» [14, с. 18]; «национализм – это политическая идеология или класс идеологий, развивающихся на основе одного, базового принципа» [10, с. 12]; нация как «воображаемое сообщество», сконструированное идеологически (Б. Андерсон [5]); «принцип односторонности культурных единиц как основ политической жизни и обязательного культурного единства правителей и подданных» [9, с. 258]; «настроение и идеология» [29, с. 232].

Как идеология, национализм есть определенный способ *представления* действительности или ее «фрагмента»: в зависимости от того, считает ли автор национализм *определением современности*, как Гринфельд или, отчасти, Гелнер, или одного из ее *аспектов*, как М. Манн, Б. Андерсон, Б. Як, отчасти Э. Кедури, придающий национализму *определяющее* значение, – но в любом случае *местом* здесь является «сознание»: национализм, как утверждает Гринфельд, не существует «в латентной форме» [10, с. 17]. Преставление *в этом отношении* может быть «искаженным» («превращенным») или нет, но первый вопрос, который здесь следует поставить, есть вопрос *о необходимости* данного представления и специально – о его *причинах*. Неповторимая констелляция социально-исторических (промышленная революция, индустриализм, «клетка национального государства», необходимая стандартизация образования, столь же необходимо ставшего массовым) [3] и политических (утверждение идеи «народного суверенитета», например: в этом случае перечисление может варьироваться у различных авторов [2]) обстоятельства *обусловили* национальную *форму* их представления. В связи с задачей нашего исследования *не имеет принципиального значения* порядок *причинного следования*: большинство авторов относит образование европейских наций к XIX веку, в то время как Гринфельд считает необходимым «перевернуть причинно-следственную связь» и утверждает, что национальная идентичность (и национальность) стали *действительностью* одним-двумя веками раньше (по крайней мере, в Англии – в XVII веке) и причины, вызвавшие ее становление были скорее политические, чем собственно социальные. Важна именно *связанность* наций и социально-исторических и политических условий, именуемых «современностью»: нация как идеология (и как действительность «политической нации» и «народной нации») есть феномен современности, – и *не имеет* никакой связи ни с «природой», ни с «человеческой сущностью».

Гелнер утверждает, что национализм «не заключен в действительности в природе вещей, не таится в сердцах людей и не составляет основу общественной жизни в целом» [9, с. 258], – он случаен в смысле исторически сложившейся единичной констелляции социальных обстоятельств [9, с. 34], а нация не есть «естественный способ классификации людей» [9,

с. 114], хотя нельзя считать его произвольным, но – «уходящим корнями в своеобразные культурные требования индустриального общества» [9, с. 88] и является «внешним проявлением глубинного процесса урегулирования отношений между государством и культурой, которое совершенно неизбежно» [9, с. 88]. Почти также считает и Гринфельд: «Образование идентичности как таковой может быть психологической необходимостью, склонностью человеческой природы. Образование национальной идентичности таковой необходимостью не является» [10, с. 17]; «выбор национализма вовсе не был неизбежным» [10, с. 461], но он оказался успешным и привлекательным, поэтому «раз возникнув, национализм ускорил происходящие изменения, дал им определенное направление, ограничил возможности будущего развития и стал в этом развитии главным фактором. И таким образом утвердил и завершил гигантскую трансформацию общества от старого строя к современности» [10, с. 461].

Однако, если вопрос о времени, когда нации/ национальные идентичности стали действительностью, и о причинно-следственных отношениях, обусловивших эту действительность, *нерелевантен* для решения поставленной нами задачи, то само *происхождение* национальных идентичностей многое объясняет в последующей «дифференциации национализмов»: «характер каждой национальной идентичности определяется на ранней стадии ее развития» [10, с. 27] и «влияние каждой национальной идентичности на политическое, социальное и культурное строение соответствующих наций, так же, как и на их историю, может быть отнесено на счет ее изначального определения» [10, с. 27]. Даже если подобная обусловленность не является *жесткой необходимостью*, то полностью *обойдена* она быть не может.

В 1944 году Г. Кон [35] «провел важное различие между «волюнтаристским» типом национализма, который считает нацию свободным объединением разумных людей, состоящим из входящих в него по собственной воле индивидов, и «органическим» типом, рассматривающим нацию как организм, обладающий неизменным и неизгладимым характером, которым его члены наделяются при рождении и от которого они никогда не смогут избавиться» [20, с. 269]; Кону «принадлежит также утверждение, что первый тип характерен для англосаксонского мира, тогда как второй вид идеологии типичен для националистических движений к востоку от Рейна» [20, с. 269].

Л. Гринфельд выстраивает свою концепцию «национальных идентичностей» в перспективе этих утверждений Кона. Она различает «гражданский» и «этнический» национализм (следуя при этом *оценкам*, общепринятым со времени проведения различения Кона [например: 31; 32; 33; 34])

и три «идеально-типических» вида национальной идентичности: под одним термином «нация» скрываются два различных феномена национализма [10, с. 14], – «это также означает наличие двух резко отличающихся друг от друга форм национальной идентичности и национального самосознания и два резко отличающихся друг от друга типа национальных общностей – наций» [10, с. 14]: «В то время как Франция, со многих точек зрения, представляет собой случай противоречивый – ее национализм был коллективистским и тем не менее гражданским – Россия и Германия являют собой яркие примеры этнического национализма» [10, с. 18]. *Происхождение* национализмов обуславливает и их «состав».

«Идея нации» зародилась и стала действительностью в Англии; она, по Гринфельд, есть «прототип» («образец», к которому одновременно *стремятся* и от которого *отталкиваются*) для прочих «европейских национализмов». Одновременно «английская идентичность», для Гринфельд, и «идеальна» (и еще национальная идентичность США как полное осуществление «идеала»), и «нормативна». Вот как она ее описывает. Характерными чертами английской национальной идентичности Гринфельд полагает: «чувство уважения к личности и особо уважение к личному достоинству человека» [10, с. 33]; «принцип личной свободы и политического равенства» [10, с. 89]; «свобода вместе с равенством и разумом составили самую основу английской национальности» [10, с. 375]; в политическом отношении это значило «настоятельное требование, чтобы народ имел право участвовать в политическом процессе и управлении страной через парламент» [10, с. 46]; то есть «права политического гражданства» [10, с. 47]; социально – «тенденцию к уравниванию условий существования разных социальных слоев» [10, с. 52]; самое главное – «принципиальный индивидуализм, обязательство отстаивать свои собственные права личности и права личности других людей» [10, с. 33]; особенно в случае Англии, «национальность возвышала каждого члена общности, которую эта национальность наделила суверенностью (верховой властью). Национальная идентичность, в сущности, является вопросом о личном достоинстве» [10, с. 461] и «в то время как везде возвеличение нации стало возвеличением самого себя, в случае Англии оно стало возвеличением самого себя как человека – свободного разумного индивидуума – и поэтому возвеличением человеческого достоинства, человечества в целом» [10, с. 33]. Повторим, что все это полагается действительностью Англии, начиная с XVII века; спорить с *нормативным представлением*, а мы в данном случае имеем дело именно с ним, бессмысленно, – задачей философского истолкования является выяснить его *необходимость для определенной перспективы*.

Для формирования остальных «основных» европейских национальных идентичностей *конститу-*

тивом она полагает то, что, с неперменной ссылкой на Ницше, называет «рессентиментом», который *определяет* национальные идентичности в связи с «местными условиями», причем, чем «дальше от Англии» – тем менее «ценным» и более «неприглядным» становится национализм: индивидуализм представлен только в английской и американской национальных идентичностях, все остальные национальные идентичности, рассмотренные Гринфельд, *коллективистские*. Если Франция еще относительно «близка» к «образцу» (гражданский, «политический» коллективизм), то уже Германия есть тип «этнического национализма» (но «культурного коллективизма»), а противоположным «англо-саксонской национальной идентичности», «завершением отхода от идеала» она полагает «русский национализм», который во многом определяется, как пишет Гринфельд, «зоологической реакцией» (ввиду «отсутствия культуры») на «английский» и вообще «западный» «образец»: «Эффект от этого структурного и культурного влияния часто совмещался с влиянием определенного психологического фактора. Они, совместно, неизбежно влекли за собой переосмысление импортированных идей и определяли направление этого переосмысления. Для каждого общества, импортировавшего идею нации, центром внимания непременно становился источник импорта – объект подражания по определению, – и оно реагировало на этот источник. Поскольку в собственном восприятии подражателя образец был лучше подражания – это подразумевается в самом понятии образца, – то связь между образцом и подражанием скорее подчеркивала несовершенство подражателя, и реакция на источник заимствования обычно принимала форму *ressentiment* (чувство ненависти, злобы и обиды)» [10, с. 19].

Таким образом, «национальные идентичности» располагаются *по шкале ценности*: «Нет более великой и – страшной – ошибки, чем считать, что все нации рождены и созданы равными. Люди рождаются равными, но нации – нет. Некоторые рождаются как сообщества суверенных личностей, где основной упор делается на свободу и равенство людей, некоторые создаются как «красивые великие личности», которые могут питаться людьми и проповедовать расовое превосходство и подчинение государству. Права наций, которые мы сейчас полагаем бесспорными, – в немалой степени, благодаря американской наивности, – имеют очень разную значимость и подоплеку в столь различных случаях» [10, с. 465]. Разумеется, следует оговорить, что только Гринфельд так *последовательно и явно* проводит идею *превосходства* английской и американской национальных идентичностей в отношении «всех остальных»: ее книга была опубликована в самом начале 90-х годов XX века, когда еще *было можно*; остальные авторы, как правило, воздерживают-

ся от *непосредственных оценок*, переводя вопрос в плоскость *морали*. Современная идеология мультикультурализма *явно* отрицает обоснованность таких утверждений, но здесь следует иметь в виду два обстоятельства. Во-первых, Гринфельд именно *последовательна* в своем выводе, который обоснован и *необходим* в *нормативном* либеральном представлении нации (об этом – дальше). Во-вторых, культура в мультикультуралистских дискурсах так же определяется как бесконечно пластичный набор «особенностей», «культурных черт», очищенных от «остатков» «естественности» и «субстанциальности», который *свободно варьируя свободно* же выбирает «для себя» индивид, – с либеральной точки зрения только свобода выбора (и политическая возможность его совершить) *имеет значение*.

Помимо того, что в *социологическое исследование* вводится *оценка*, причем как необходимое следствие социологического рассмотрения, определяется также и «полное отрицательной ценности» – *этничность*, в большей или меньшей степени «входящей» в состав «любой национальной идентичности», и более/менее *определяющая* ее в зависимости от характера местных условий и *силы/интенсивности рессентимента*, которая, в свою очередь, зависит от «удаленности от образца» и невозможности ему «уподобиться»: «американская национальная идентичность» *абсолютно не-этнична* – «немецкая национальная идентичность» «преимущественно этнична», но здесь «этничность» определяется через культуру (Кедури, например, в этой связи ссылается на понятие нации, разработанное «для немцев» И. Г. Фихте [21]) – «русская национальная идентичность» этнична и этнос здесь – «природный феномен» (такая интерпретация «этничности как природы», недопустима в принципе в западной науке, как *исключение* по факту допускается в определенных случаях, для «диких племен», например, но для «европейских наций» – только по *политическим и идеологическим* обстоятельствам).

Итак, «национализмы» располагаются на шкале между «гражданским» и «этническим»; «этническое» – между «культурным» и «природным/естественным/животным»; это – *схема представления и оценки* «национализмов», явно, как у Гринфельд, или имплицитно, как у большинства остальных исследователей, *нормативно* определяет дисциплинарные *дискурсы национализма*; следующим шагом нашего исследования, таким образом, является выявление «условий *необходимости*» подобного представления.

Основоположения и нормы «либеральной метафизики» – для представления национализма

К концу 20-х – началу 30-х годов XX века относится разработка К. Шмиттом понятия «либе-

ральной метафизики» [26]; он определил ее *суть* до того, как она «развернулась» в господствующую *парадигму современности*: либеральную версию экономической парадигмы политического (термин введен Дж. Агамбеном [1]). Парадигма *представляет* для научных дисциплин их *налично данное*; парадигматические положения/утверждения имеют характер *очевидности*: в границах своей парадигмы они есть *аксиомы* (или догмы; но для новейшей европейской современности, имеющей центром *субъекта*: со времен Декарта, по Хайдеггеру [23], это именно аксиомы), которые могут, в зависимости от области, представляться как *ценности* (по утверждению, например, Дж. Ролза [36], Ю. Эльстера [28] или Ф. Р. Анкерсмита [6], они «не обсуждаются» и «защищены властью институтов» как «базовые ценности»), или как *нормы*, в горизонте которых представляется действительность и определяется *истинность* суждений относительно нее. Мы должны *назвать* такие аксиомы/нормы («основоположения»), которые определяют *представление нации/национального* и *регулируют истинность* суждений относительно того, что она *есть* – в экономической парадигме политического.

Первым и самым главным из таких основоположений является *индивидуализм*, который, в указанном выше смысле, одновременно есть *принцип представления* и *методологический принцип* научного исследования. Наша задача существенно облегчается тем, что в своем исследовании нации этот принцип (более даже в первом, часто скрытом, значении, чем во втором, чисто методологическом) определил Калхун: «С точки зрения современного Запада, индивиды существуют в себе и сами по себе: ни сети отношений, ни всеобъемлющая иерархия не являются основным источником идентичности. Эта современная идея индивида как локуса неразложимой идентичности – по крайней мере потенциально самодостаточной, самостоятельной и саморазвивающейся...» [11, с. 102]. Национальная идентичность, по утверждению Гринфельд (и других названных нами исследователей), есть «саповосприятие» [10, с. 17], «национализм, в числе прочего, обозначает некий вид идентичности в психологическом смысле этого термина, то есть в смысле самоопределения» [10, с. 24], и без такого самоопределения не существует. В либеральной интерпретации кантовской политической философии считается *очевидным/обязательным*, что *автономный индивид*, свободно самоопределяясь, идентифицирует себя с идеей/группой; любое внешнее принуждение, будь оно намеренным или «в силу обстоятельств» (например, место, занимаемое в социальной структуре, или культурная традиция, или политическое принуждение, или религиозный императив), не только «вторично» (по отношению к индивиду как «неразложимому локусу»), но и *неправомерно* и должно быть *исключено*:

для этого должны быть созданы соответствующие условия, если сам индивид оказывается к этому неспособен, – автономный самоопределяющийся индивид есть центр и ценность. Но еще Кант [13] установил, что препятствием для такой автономии может быть несовершенноелетие (в политическом смысле), заблуждение, или внешняя злая воля; более того, Кант допускал возможность «свободного самоопределения к злу» [12]. Таким образом, моральная оценка не представляется произвольной, но необходимой когда речь идет о политике, тем более, что политическая философия существенно расположена в горизонте вопроса «что я должен делать?»: речь не идет в данном случае об «адекватности» интерпретации Канта, решение о котором относится к области философии, но об одном из возможных, и сейчас господствующих представлений кантовской философии.

Современная западная политическая философия, отказавшись от шмиттовской идеи «нередуцируемости политического» (парадигма «понятия политического» [27]), уже есть и все больше и вполне сознательно становится – моральной философией: у Хабермаса [22], Ролза, – Б. Як последовательно рассматривает нации и национализм именно как «моральные феномены» и оценивает их в категориях «добра» и «зла». Фактический опыт национализма подводит нас, утверждает Як, к концептуализации национализма как «смеси идеологии и групповой лояльности, убеждений и настроений» [29, с. 200]; национализм как социальный феномен «отличает не один только набор каких-то конкретных идей или чувств, а тот способ, каким он сочетает убеждения и настроения. Точнее говоря, национализм представляет собой смесь убеждений, придающих повышенную важность национальному сообществу, с чувствами особого попечения и лояльности к своей нации и ее членам» [29, с. 193], причем «одна из форм этой смеси, взрывоопасный состав из убеждений о политической легитимности и чувств лояльности к нации, уже разошлась по каждому уголку современного мира» [29 с. 193], и именно эта «злокачественная форма» национализма «представляет опасность». И если «для образования националистических установок и поведения достаточно соединения чувств лояльности к нации с приверженностью к новой идее народного суверенитета» [29, с. 229], то социально опасным и морально неприемлемым он может стать, когда «свой отличительный характер национализм получает как раз таки благодаря сочетанию двух вещей, смеси какой-то конкретной формы социальной дружбы с убеждениями относительно его особой важности в нашей жизни. Новые убеждения о важности национального сообщества делают центром внимания и вливают энергию в общеразделяемую лояльность, которая в прошлом редко когда

занимала очень высокое место в балансе человеческих страстей. А настроения групповой лояльности и коллективное предпочтение своего сообщества обеспечивают националистическим принципам ту эмоциональную силу, мобилизующую и вовлекающую народные массы энергии» [29, с. 199], причем в случае, если вместе с «приверженностью к общим принципам или той интенсивностью, с которой выражается лояльность к нации» [29, с. 194], наличествует также и то, что «сочетание убеждений с настроениями мотивирует их стремиться к какому-то конкретному благу для членов их собственной нации» [29, с. 194], – как правило в политической игре с «нулевой суммой» за счет «других». То есть, «националисты – это люди, стремящиеся к суверенитету (или сохранению культуры, или еще какому-то благу) для членов своего сообщества, а не люди, убежденные, что суверенитетом или средствами сохранения культуры следовало бы наделять вообще все нации. И повысить благополучие членов сообщества, с которым они чувствуют себя связанными, они стремятся, наделяя их суверенитетом (или еще каким-нибудь благом, которого, по их мнению, они заслуживают по причастности к национальному сообществу), вместо того чтобы всего-навсего выражать сильную привязанность к своей нации и ее членам» [29, с. 193]. Способность «помогать мобилизовывать население и порождать коллективную мощь, способность инспирировать и упрощать координацию деятельности больших количеств людей» [29, с. 483] сочетается в политическом и морально неприемлемой националистической риторике с претензией на «наше особое внимание, каким образом они помогают группе представлять ее нужды и интересы» [29, с. 486], то есть – на суверенности нации: «Формулировка националистического принципа политической легитимности не на языке совпадения национальных и государственных границ, а на языке национального суверенитета лучше схватывает полный диапазон убеждений и дел, связываемых с националистической политикой» [29, с. 206; 17].

Национализм, по утверждению Э. Гелнера, «связан с государством»; но есть «разные национализмы»: гражданская лояльность, которая есть «неотъемлемое свойство» «истинного», англо-саксонского гражданского национализма, есть единственная приемлемая форма национализма и патриотизма; «этнический национализм», тем более всегда связанный с идеей национального суверенитета, – морально и политически недопустим: здесь возникает вопрос о глобализации и либеральном глобальном порядке и национализме, который выходит за рамки нашего исследования.

«Этническая принадлежность» может представляться естественной, и в меру этой возможности расценивается как недопустимое препятствие для

свободного самоопределения автономного индивида. Здесь «показывается» *следующая норма*, обязательная для либерального рассуждения о национализме и нациях. Различение «гражданских» и «этнических» национализмов «не имеет эмпирического основания»; Р. Брубейкер считает, что с самого первого шага в социологическом исследовании следует отказаться от (в других случаях конститутивного) жесткого различения (которое, к тому же, нельзя последовательно провести) между гражданскими нациями и нациями этническими [8, с. 20–21]: «национализм не поддается четкому разбиению на типы с ясно очерченными эмпирическими и моральными профилями» [8, с. 265]. Тем не менее, Брубейкер не отказывается от него вовсе, полагая необходимым в аналитическом и прежде всего в нормативном исследовании, причем важнейшей задачей является «отделить работу по аналитическому упорядочению от деятельности по нормативному оцениванию» [8, с. 265]; нормативное должно быть в любом случае сохранено в той степени, в какой мы заинтересованы в обосновании политических целей в отношении нации и национализма [15].

«Общим местом» для авторов изучаемой нами традиции является представлять этнос как *культурную* общность, как социальную группу. И. Валлерстайн, с присущей ему ясностью, определяет: «Многообразные «сообщества», к которым мы все принадлежим, чьих «ценностей» придерживаемся, по отношению к которым подтверждаем нашу «лояльность»; «сообщества», определяющие нашу «социальную идентичность» – все они как один суть исторические конструкторы» [7, с. 263]; такие конструкторы находятся в постоянной реконструкции; эти «лояльности, идентичности никогда не являются изначальноными, так что любое историческое описание их структуры или их развития через века необходимо оказываются первичным образом определенными идеологией настоящего времени» [7, с. 263]. Минимальное общее согласие относительно соотношения «расы», «нации» и «этничности» достигнуто в том, что: под «расой» можно разуместь «генетически непрерывную группу», под «нацией» – «историческую социально-политическую группу», под «этносом» (что особенно важно в связи с нашей постановкой вопроса) – «культурную группу» [7, с. 93], – именно «социальные категории» [7, с. 93].

Национальная идентичность, включающая этничность *в культурном значении и преобразующая ее* «согласно новому принципу» (Гринфельд), *ограниченно приемлема* до тех пор, пока не связывается с идеями «превосходства» и «суверенности», то есть, по Хайдеггеру – *этнографически*. Он писал (в середине 30-х годов XX века): «Уподобление <природы> производству (Angleichung des Naturbetriebs) облегчается тем, что сама природа стала ландшафтом, а ландшафт – «транспортным объектом». Сёла – уже

больше не поселения крестьян, а города с сельскохозяйственным производством; это требует соответствующего включения в общую жизнь; самый дальний «крестьянский двор» уже изнутри подточен радиопередачами и газетами. Но это подтачивание опять-таки маскируется, поскольку «крестьяне» сейчас, в свою очередь, заимствовали «связанные с природой» и введенные горожанами старинные формы «одежды», «игр» и т.д. и занимаются этим как природным предпринимательством, демонстрируя его другим – приезжим – по их просьбе. При всем том даже усиленно формируется «вкус», т.е. употреблявшееся в старину ловко подправляют, превращая в производственно наличествующее; люди даже испытывают «радость» и не жалеют денег, они знакомятся, ландшафты вступают в процесс обмена и создаются все возможности для приготовления любых смесей и дозировок этого природного производства» [24, с. 101].

И даже в этом, уже чисто «этнографическом значении», «этничность» представляется как потенциальная политическая опасность, подлежащая «превентивному урегулированию», программа которого разработана, например, Альтерматт для благополучной Швейцарии, и может быть распространена на всю Европу, где «возможна опасность». Этнонационализм, считает Альтерматт, «основан на представлении, что народ, нация и этния представляют собой естественные сущности» [4, с. 16]; они являются мощнейшим из имеющихся современных средств интеграции («национализм концентрирует общественные силы, пронизывая все социальные слои и идеологические позиции, и предвещает людям лучшее будущее, ссылаясь на народ и нацию» [4, с. 28]). В целом, описывая современное положение вещей, Альтерматт соглашается с американским политологом Б. Р. Барбером [8] в том, что противоречие между процессами глобализации и ответной реакцией национализма зашло так далеко, что его можно определить как противоречие между современным миром и джихадом, причем «и рыночное хозяйство, и национализм опасаются гражданского общества и отрицают демократические институты и гражданские права» [4, с. 207; 16]. А джихад есть такой вызов, соразмерным ответом на который сегодня считается антитеррористическая война...

Выводы и результаты

Итак, в экономической парадигме политического, в соответствии с *требованиями и правилами* либеральной метафизики, *нация должна быть представлена как гражданская ассоциация*, объединенная на основе *гражданской лояльности* свободно самоопределяющихся разумных автономных (все это – взаимосвязано) индивидов. Все, что *вынуждает* к объединению должно быть *снято* или представляться находящимся в процессе *снятия*; нередуцируемое,

«непреобразованное» или принципиально «непреобразуемое» идеей гражданской нации – есть *разной степени зло*, против которого должны приниматься действенные меры «силой социальных институтов». *Моральная оценка* в этой перспективе считается *обоснованной и необходимой*; «национализмы» *оцениваются* по степени их приближенности/отдаленности от «идеала/нормативной модели», которой выступает «идеальный тип» «англо-саксонского гражданского национализма».

Казалось бы, *непротиворечивость* такого *представления* достаточна и даже *почти очевидна*. Досадное «почти», в границах самой либеральной традиции, определено К. Хюбнером, который утверждал про гражданскую лояльность как мотив национальной самоидентификации: «Представление философов современного Просвещения, согласно которому в конечном счете именно государственный строй их страны является источником верности ей (конституционный патриотизм) абсолютно чуждо действительности» [25, с. 346]. Однако это пока только «частное замечание», тем более, что сам Хюбнер в процитированной книге обосновывает представление нации, в котором *рациональность* гражданской лояльности подкреплена «мифически»: «миф нации» *может* находиться в согласии с либеральным представлением, как это показал Хюбнер [18].

Гораздо серьезнее другое: *необходимое для философского синтеза* выявление *начала* (о котором, кстати, много рассуждает Л. Гринфельд, как об *определяющем суть*), – до сих пор *не произошло*: радикального, то есть «метафизического» понятия нации, в котором *совместились бы реальное и действительное* нации – *нет*, либеральные аксиомы, даже если истинные и всегда нормативные, в этом отношении – *не действительны*. Означать это может только одно: *гражданская нация* есть *проект*, который осуществляется *сейчас*; научные дискуссии есть «историографический пересчет прошлого» (по М. Хайдеггеру) для придания *проекту основания*; произведенные в горизонте этого проекта «подразделения» и «классификации» *имеют значение только в перспективе* осуществления проекта гражданской нации. Но это – не только научный, но и прежде всего *политический проект*; и он направлен, в том числе, *против тех* «национальных идентичностей/наций», которые будут квалифицированы как *этнические*: научная проблема «классификации национализмов» имеет перспективу стать *экзистенциальным политическим вопросом*, как его определял К. Шмитт, – философия точно может стать *помехой для успеха* реализации проекта *всемирной гражданской нации*, которая, как утверждает Гринфельд, и есть *действительная и благая цель*.

Литература

1. Агамбен Дж. Царство и слава. К теологической генеалогии экономики и управления. М.; СПб: Издательство Института Гайдара; Факультет свободных искусств и наук СПбГУ, 2018. 552 с.
2. Алавердян А. Л., Мальцев К. Г. «Гражданская нация» и суверенный народ: исследование необходимости национальной формы политического единства // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2020. № 5 (114). С. 24–31.
3. Алавердян А. Л., Мальцев К. Г. Социолого-исторический дискурс нации: метод и структура // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2020. № 4 (208). С. 4–14.
4. Альтерматт У. Этнонационализм в Европе. М.: Изд. центр РГГУ, 2000. 366 с.
5. Андерсон Б. Воображаемые сообщества: Размышления об истоках и распространении национализма. Москва: Канон-Пресс-Ц; Кучково поле, 2001. 288 с.
6. Анкерсмит Ф. Р. Эстетическая политика. Политическая философия по ту сторону факта и ценности. М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2014. 432 с.
7. Балибар Э., Валлерстайн И. Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности. М.: Издательство «Логос», 2004, 288 с.
8. Брубейкер Р. Этничность без групп. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2012. 408 с.
9. Геллнер Э. Нации и национализм. М.: Прогресс, 1991. 320 с.
10. Гринфельд Л. Национализм. Пять путей к современности. М.: ПЕР СЭ, 2012. 528 с.
11. Калхун К. Национализм. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2006. 288 с.
12. Кант И. Основоположение метафизики нравов / Сочинения в 8-ми томах Т. 4. М.: Чоро, 1994. С. 153–246.
13. Кант И. Ответ на вопрос: Что такое просвещение? / Сочинения в 8-ми тт., Т. 8, М.: Чоро, 1994. С. 29–38.
14. Кедури Э. Национализм. СПб.: Алетейя, 2010. 136 с.
15. Ломако Л. Л., Мальцев К. Г. Конструктивистская парадигма в исследовании нации, национализма, этнонационального конфликта: некоторые критические замечания // Евразийский юридический журнал. 2020. № 8 (147). С. 430–434.
16. Ломако Л. Л., Мальцев К. Г. Модернистский и конструктивистский способы концептуализации на-

ции и национализма: сопоставительный анализ // Социально-гуманитарные знания. 2020. № 3. С. 273–291.

17. Мальцев К. Г., Алавердян А. Л. Моральный дискурс нации и национализма в горизонте либеральной парадигмы политического // Гуманитарные и социальные науки. 2020. № 6. С. 42–52.

18. Мальцев К. Г., Алавердян А. Л. Современная политическая философия и «миф нации» К. Хьюбнера // Евразийский юридический журнал. 2020. № 10 (149). С. 472–476.

19. Манн М. Источники социальной власти: [в 4 т.]. Т. 2, кн. 2: Становление классов и наций-государств, 1760–1914 годы. М.: Дело, 2018. 507 с.

20. Смит Э. Национализм и модернизм: Критический обзор современных теорий наций и национализма. Москва: Праксис, 2004. 270 с.

21. Фихте И. Г. Речи к немецкой нации. СПб.: Наука, 2009. 350 с.

22. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб: Наука, 2001. 382 с.

23. Хайдеггер М. Введение в метафизику. СПб.: НОУ – «Высшая религиозно-философская школа», 1998. 302 с.

24. Хайдеггер М. Размышления VII–XI (Черные тетради 1938–1939). М.: Изд-во Института Гайдара, 2018. 528 с.

25. Хьюбнер К. Нация: От забвения к возрождению. Москва: Канон +, 2001. 400 с.

26. Шмитт К. Духовно-историческое состояние современного парламентаризма / Понятие политического. СПб.: Наука, 2016. С. 93–170.

27. Шмитт К. Понятие политического / Понятие политического. СПб.: Наука, 2016. С. 280–408.

28. Эльстер Ю. Кислый виноград: Исследование провалов рациональности. М.: Издательство Института Гайдара, 2018. 296 с.

29. Як Б. Национализм и моральная психология сообщества. М.: Издательство Института Гайдара, 2017. 520 с.

30. Ясперс К. Идея университета. Минск: БГУ, 2006. 159 с.

31. Appiah K. A. The ethics of identity. Princeton, N. J.; Woodstock, Oxfordshire: Princeton univ. press, 2007. 358 p.

32. Beiner R. Teorizing Nationalism. State University of New York Press, 1999. 352 p.

33. Cohen Sh. Politics Without a Past: The Absence of History in Postcommunist Nationalism. Durham, NC: Duke University Press, 1999, 304 p.

34. Denitch B. Ethnic nationalism: The Tragic Death of Yugoslavia. Minneapolis: University of Minnesota Press. 1994. 259 p.

35. Kohn H. Die Idee des Nationalismus. Ursprung und Geschichte bis zur Französischen Revolution. Frankfurt/M.: S. Fischer Verlag, 1962. 565 p.

36. Rawls J. Political Liberalism. New York: Columbia university press, 1996. 525 p.

References

1. Agamben, J. (2018) *Carstvo i slava. K teologicheskoy genealogii ekonomiki i upravleniya*. [The Kingdom and the Glory: For a Theological Genealogy of Economy and Government]. Moscow; St. Petersburg: Gaidar Institute Publishing House; Faculty of Liberal Arts and Sciences, St. Petersburg State University Press, 552 p. (In Russ.).

2. Alaverdyan, A. L., Mal'cev K. G. (2020) «Civil nation» and a sovereign people: research into the need for a national form of political unity]. *Gumanitarnye i social'no-ekonomicheskie nauki* [Humanities and socio-economic sciences]. Vol. 5 (114), pp. 24–31. (In Russ.).

3. Alaverdyan, A. L., Maltsev, K. G. (2020) [Sociological and historical discourse of the nation: method and structure]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenij. Severo-Kavkazskij region. Obshchestvennye nauki*. [News of higher educational institutions. North Caucasian region. Social Sciences]. Vol. 4 (208), pp. 4–14. (In Russ.).

4. Altermatt, W. (2000) *Etnonacionalizm v Evrope*. [Ethnonationalism in Europe]. Moscow: Ed. Center RGGU Press, 366 p. (In Russ.).

5. Anderson, B. (2001) *Voobrazhaemye soobshchestva: Razmyshleniya ob istokah i rasprostraneni nacionalizma* [Imagined Communities: Reflections on the Origins and Spread of Nationalism]. Moscow: Canon-Press-C; Kuchkovo field, 288 p. (In Russ.).

6. Ankersmit, F.R. (2014) *Esteticheskaya politika. Politicheskaya filosofiya po tu storonu fakta i cennosti* [Aesthetic policy. Political philosophy beyond fact and value]. Moscow: Publishing House of the State University Higher School of Economics, 432 p. (In Russ.).

7. Balibar, E., Wallerstein, I. (2004) *Rasa, naciya, klass*. [Race, nation, class. Ambiguous identities]. Moscow: Publishing house «Logos», 288 p. (In Russ.).

8. Brubaker, R. (2012) *Etnichnost' bez grupp* [Ethnicity without groups]. Moscow: Higher School of Economics Publishing House, 408 p. (In Russ.).

9. Gellner, E. (1991) *Nacii i nacionalizm* [Nations and Nationalism]. Moscow: Progress Press, 320 p. (In Russ.).
10. Grinfeld, L. (2012) *Nacionalizm. Pyat' putej k sovremennosti* [Nationalism. Five roads to modernity]. Moscow: PER SE Press, 528 p. (In Russ.).
11. Calhoun, K. (2006) *Nacionaliz* [Nationalism]. Moscow: Publishing House «Territory of the Future», 288 p. (In Russ.).
12. Kant, I. (1994) [Founding of the metaphysics of moral] in I. Kant. *Sochineniya v vos'mi tomah* [Works in eight volumes]. Vol. 4. Moscow: Choro Publ, pp. 153–246. (In Russ.).
13. Kant, I. (1994) [Answer to the question: What is enlightenment?] in I. Kant. *Sochineniya v vos'mi tomah*. [Works in eight volumes]. Vol. 8, Moscow: Choro Publ, pp. 29–38. (In Russ.).
14. Keduri, E. (2010) *Nacionalizm* [Nationalism]. St. Petersburg: Aleteya Publ, 136 p. (In Russ.).
15. Lomako, L. L., Mal'cev, K. G. (2020) [Constructivist paradigm in the study of nation, nationalism, ethno-national conflict: some critical remarks]. *Evrasijskij juridicheskij zhurnal* [Eurasian legal journal]. Vol. 8 (147), pp. 430–434. (In Russ.).
16. Lomako, L. L., Mal'cev, K. G. (2020) [Modernist and Constructivist Ways of Conceptualizing Nation and Nationalism: Comparative Analysis]. *Social'no-gumanitarnye znaniya* [Social and Humanitarian Knowledge]. Vol. 3, pp. 273–291. (In Russ.).
17. Mal'cev, K. G., Alaverdyan, A. L. (2020) [Moral discourse of the nation and nationalism in the horizon of the liberal paradigm of the political]. *Gumanitarnye i social'nye nauki* [Humanities and social sciences]. Vol. 6, pp. 42–52. (In Russ.).
18. Mal'cev, K. G., Alaverdyan, A. L. (2020) [Modern political philosophy and the «myth of the nation» K. Hübner]. *Evrasijskij juridicheskij zhurnal* [Eurasian Law Journal]. Vol. 10 (149), pp. 472–476. (In Russ.).
19. Mann, M. (2018) *Istochniki social'noj vlasti [v 4 t.]. T. 2, kn. 2: Stanovlenie klassov i nacij-gosudarstv, 1760–1914 gody* [Sources of social power: [in 4 volumes]. Vol. 2. Book. 2: The Rise of Classes and Nation-States, 1760–1914]. Moscow: Delo Press, 507 p. (In Russ.).
20. Smith, E. (2004) *Nacionalizm i modernizm: Kriticheskij obzor sovremennyh teorij nacij i nacionalizma* [Nationalism and Modernism: A Critical Review of Contemporary Theories of Nations and Nationalism]. Moscow: Praxis Press, 270 p. (In Russ.).
21. Fichte, I. G. (2009) *Rech'i k nemeckoj nacii* [Speeches to the German nation]. St. Petersburg: Nauka Publ, 350 p. (In Russ.).
22. Habermas, J. (2001) *Moral'noe soznanie i kommunikativnoe dejstvie* [Moral consciousness and communicative action]. St. Petersburg: Nauka Publ. 382 p. (In Russ.).
23. Heidegger, M. (1998) *Vvedenie v metafiziku*. [Introduction to metaphysics]. St. Petersburg: NOU – «Higher religious and philosophical school» Press. 302 p. (In Russ.).
24. Heidegger, M. (2018) *Razmyshleniya VII–XI (Chernye tetradi 1938–1939)* [Ponderings VII–XI (Black Notebooks 1938–1939)]. Moscow: Gaidar Institute Publishing House. 528 p. (In Russ.).
25. Hübner, K. (2001) *Naciya: Ot zabveniya k vrozozhdeniyu* [Nation: From Oblivion to Rebirth]. Moscow: Canon + Press, 400 p. (In Russ.).
26. Schmitt, K. (2016) [Spiritual and historical state of modern parliamentarism] in K. Schmitt. *Ponyatie politicheskogo* [The concept of the political]. St. Petersburg: Science Publ, pp. 93–170. (In Russ.).
27. Schmitt, K. (2016) [The concept of the political] in K. Schmitt. *Ponyatie politicheskogo* [The concept of the political]. St. Petersburg: Science Publ., pp. 280–408. (In Russ.).
28. Elster, Y. (2018) *Kislyj vinograd: Issledovanie provalov racional'nosti* [Sour Grapes: A Study of Rationality Failures]. Moscow: Gaidar Institute Publishing House, 296 p. (In Russ.).
29. Yak, B. (2017) *Nacionalizm i moral'naya psihologiya soobshchestva'*. [Nationalism and moral psychology of the community]. Moscow: Gaidar Institute Publishing House, 520 p. (In Russ.).
30. Jaspers, K. (2006) *Ideya universiteta*. [The idea of the university]. Minsk: BSU Press, 159 p. (In Engl.).
31. Appiah, K. A. (2007) *The ethics of identity*. Princeton, N. J.; Woodstock, Oxfordshire: Princeton univ. press, 358 p. (In Engl.).
32. Beiner, R. (1999) *Teorizing Nationalism*. State University of New York Press. 352 p. (In Engl.).
33. Cohen, Sh. (1999) *Politics Without a Past: The Absence of History in Postcommunist Nationalism*. Durham, NC: Duke University Press, 304 p. (In Engl.).
34. Denitch, B. (1994) *Ethnic nationalism: The Tragic Death of Yugoslavia*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 259 p. (In Engl.).
35. Kohn, H. (1962) *Die Idee des Nationalismus. Ursprung und Geschichte bis zur Französischen Revolution*. Frankfurt. M.: S. Fischer Verlag. 565 p. (In Germ.).
36. Rawls, J. (1996) *Political Liberalism*. New York: Columbia university press, 525 p. (In Engl.).

Информация об авторах:

Константин Геннадьевич Мальцев, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры теории и методологии науки, Белгородский государственный технологический университет им. В. Г. Шухова, Белгород, Россия

ORCID ID: 0000-0003-1398-6625, **SPIN-код:** 5317-0483, **Author ID:** 913126
e-mail: maltsevaannav@mail.ru

Артем Левушович Алавердян, кандидат философских наук, доцент кафедры теории и методологии науки, Белгородский государственный технологический университет им. В. Г. Шухова, Белгород, Россия

ORCID ID: 0000-0001-5363-9447, **SPIN-код:** 6190-8165, **Author ID:** 712074
e-mail: arti-medwd@mail.ru

Статья поступила в редакцию: 11.05.2021; принята в печать: 31.05.2021.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Information about the authors:

Konstantin Gennadievich Maltsev, Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Theory and Methodology of Science, Belgorod State Technological University named after V. G. Shukhova, Belgorod, Russia

ORCID ID: 0000-0003-1398-6625, **SPIN:** 5317-0483, **Author ID:** 913126
e-mail: maltsevaannav@mail.ru

Artem Levushovich Alaverdyan, Candidate of Philosophy, Associate Professor of the Department of Theory and Methodology of Science, Belgorod State Technological University named after V. G. Shukhova, Belgorod, Russia

ORCID ID: 0000-0001-5363-9447, **SPIN:** 6190-8165, **Author ID:** 712074
e-mail: arti-medwd@mail.ru

The paper was submitted: 11.05.2021.

Accepted for publication: 31.05.2021.

The authors have read and approved the final manuscript.